

имея от роду 23 года, вступил в этот дом, управляемый аббатом Стефаном вместе с 30 своими сотоварищами, и преклопил свою главу под сладкое иго Христа. С этого дня Бог ниспослал свое благословение, и виноградник Господа понес плод, распространяя ветви до моря и за его пределами; так как некоторые из сотоварищей Бернарда были женаты, и их жены вместе с мужьями дали обет подчиниться правилам жизни религиозной, то в диоцезе Лангра был основан их заботами женский монастырь, называемый Жюльи и который с Божьей помощью достиг великого процветания. До сего дня он пользуется славой за свое благочестие, многочисленность и богатство, все более и более расширяется и не перестает укрепляться в силе.

Таково было святое начало монастырской жизни этого Божьего человека. Тому, кто не жил, как он, в духе Господнем, невозможно рассказать всех преславных деяний его подвижничества и описать его ангельские нравы при прохождении здешней земной жизни. Один Тот, Кто одарял и Кто получал, может знать, каким благословением своей благодати окружил его Господь с той минуты, как он облекся в монашеское одеяние, и какими дарами его осыпал, и как упоил его обилием благополучия в своем доме. Он вступил в этот дом бедный духом, никому неизвестный и почти ничтожный с целью исчезнуть в сердце и памяти людей и в надежде остаться незнанным и темным человеком, как забытый сосуд; но Богу было иначе угодно, и Он уготовил в нем сосуд своего избрания, не только для утверждения и распространения монастырского ордена, но также и для того, чтобы пронести его имя перед лицом королей и народов и далее, до кончиков земли. Не думая сделаться предметом такой благодати и помышляя единственно о благополучии своего сердца и твердости помыслов, он имел постоянно в мыслях и даже на языке: «Бернард, Бернард, к чему ты пришел?» и подобно тому, как читается о Господе: «Иисус делал и учил» (Деян. Ап., I, 1), так и он с первого дня своего вступления в келью послушников делал сам то, чему хотел учить других.

Впоследствии поставленный аббатом монастыря Клерво (Clara-Vallis, Ясная Долина, ныне Clairvaux), когда послушники сходились к нему и спешили вступить в монахи, я часто слышал, как он проповедовал и говорил: «Если вы устремляетесь к предметам духовным, то оставьте за дверями плоть, которую вы приносите из мира: войдите сюда одним духом; плоть ни к чему не служит». Когда послушники устрашались такими новыми для них речами, он, снисходя к их юности, начинал беседовать с ними с большей кротостью, и объяснял им, что за дверями пужко оставлять плотские похоти. Будучи сам послушником, он, не щадя несколько себя, стремился всеми средствами не только к умерщвлению похотей, производимых чувственностью, но и самой чувственности, которая их порождает. Так как внутреннее чувство начинало все чаще знакомить его со сладостью духовной любви и давало ему знать о каком-то наитии свыше, то он боялся, что это внутреннее чувство пострадает от плотской чувственности, а потому допускал последнюю не более, как настолько, насколько то нужно для физической жизни в обществе людей. Забота его о том обратилась в привычку, и привычка сделалась природой. Поглощенный весь духом, направляя свои надежды к Богу и занятый умом духовными размышлениями, он, видя, не видел, слыша, не слышал; вкушасное не имело для него никакого вкуса, и с трудом какой-нибудь из органов его чувственного восприятия доводило его сведения впечатления от внешнего мира. Он прожил уже целый год в келье послушников и, выйдя оттуда, все же не знал, был ли там тот потолок, который называется сводом; ему случалось нередко посещать дом монахов, входить туда и выходить, и, несмотря на то, он всегда думал, что там было одно окошко впереди, между тем как их было три. Умертвив в себе всякое любопытство, он не получал ниоткуда впечатлений и, если случайно приходилось ему взглянуть на что-нибудь, то, как мы выше сказали, занятый другими мыслями, он ничего не замечал; без сосредоточения внимания наше чувственное восприятие ничтожно... Что сказать о его сне, кото-